

сы, высиженные нашей перестроечно-демократической прессой. Иные журналисты-писатели поспешно занимают высокие прокурорские стулки.

В четверг, 28 февраля, перед отъездом из Москвы в Вологду я «притормозил» у газетного киоска в Кремле. Батюшки, чего только нет в этом киоске! Десятки новых газет и газеток, кипы журналов и всяких разноцветных журнальчиков. Даже глаза разбегаются. Эх, мои родимые елочки-сосеночки, вот где я с вами встретился. Хватаю чуть ли не наугад «Российскую газету», «Куранты», «Правду», «Московские новости», «Собеседник». Что еще там? «Независимая»? Давай «Независимую»...

В поезде читать темно, начал было, да и уснул от усталости. В Вологде к московской присоединяю вологодскую прессу плюс журнал «Здоровье». В этом, когда-то весьма почтенном журнале, наряду с брачными объявлениями печатаются теперь инструкции по так называемой «сексуальной культуре». Главный спец по постельным делам академик АПН И. Кон. Интересно, академия каких наук подразумеваются под буквой «Г». Можно бы, конечно, изучить рекомендации академика «сексуальным меньшинствам», но уж больно противно. Да и когда читать? Опять же телевизор: программа «Время», дебаты в парламентах. Парламент! Один звук чего стоит.

Итак — «Российская газета».

Бумаги нет, старые почтальоны не могут ходить, молодые не хотят — маля зарплата. Печатные органы лезут из кожи вон, чтобы прокурориться и удержать тиражи. И вот печать, как падающая женщина, выхлещает сперва на панель, потом на бульвар. Тысячи журналистов, отпихнув в сторону своих более совестливых коллег, смело бросились в соревнование по силе цинизма. Забыты такие слова и понятия, как стыд и порядочность. Лишь бы не разбежались подписчики, лишь бы усидеть на читательской шее. И пошли в ход самые древние, самые испытанные приемы завлекательства и оболванивания. Внушить! Оглушить. Вернее, сперва оглушить, а потом внушить. Во что бы то ни стало завладеть вниманием, даже за счет прямого обмана. Пусть обман позднее раскроется, это ничего. Пока он раскрывается, накатится другая волна, обман замозется новым шумным приливом.

Все это я давно знаю и все равно покупаю, выписываю и разбираю уйму печатных органов, потому что среди демагогии и вранья есть ведь и правдивые публикации, смелые и умные статьи, наконец простая информация о делах и событиях. Куда денешься? Но перед тем, как читать «Российскую», разобрать бы хоть почту. Сколько их, таких писем, на которые я не ответил:

«6.01.91. Здравствуйте, уважаемый Василий Иванович! Вот уже недели две я слышу позывные «Радио России». И эти две недели ничего ни русского, ни российского в этих передачах услышать так и не удалось (слушать удается «Радио России» только по утрам — до 8 часов). Российские только позывные, даже речь на иностранный манер, не говоря уж о содержании. Я сегодня написал автору передачи Владимиру Якушенко и ведущему сегодняшней утренней передачи «Радио России» Олегу Гробовникову письмо на двух листах. Вот послушайте их. Они настолько не русские и не российские. А работают на «Радио России». Не подумайте, что я сторонник запрета на профессии. Но ведь они все время ведут речь не по теме — ничего русского, ничего российского! Нельзя же наркоманов брать, скажем, на педагогическую работу. Настолько не согласуются и форма, и содержание их передач с российским, что непонятно, почему они пошли работать на «Радио России». Может, меня подводит чувство? А может, эти ребята не по своей воле делают такие передачи?»

Валентин Васильевич Шестаченко из поселка Мирный Краснодарского

края лучше меня подобрался к истине, когда говорит о «Радио России». Почти то же самое можно сказать о «Российской газете».

«Чемпионат по таэквандо», фотографии (спортсмены в белом пинают друг дружку). Внизу крупным шрифтом: «Главный редактор В. А. Логунов. Над «таэквандо» заверстан Иннокентий Смоктуновский, он объяснился в любви Джульетте Мазине. Справа реклама о брокерах. На третьей странице Эдвард Радзинский (или Наталья Боброва?) вещает: «Всеобщая распродажа — от интимных уголков тела до интимных уголков души — в нашей стране уже стала символической».

Что за чушь, какая распродажа? Что за «интимные уголки тела»? Уж не те ли, о которых говорит академик АПН И. Кон, когда доверительно сообщает об «орально-генитальных» и «анально-генитальных» совкуплениях? (Журнал «Здоровье» № 12). Впрочем, до «Здоровья» я еще не дошел, читаю пока «Российскую». В какой это карточной игре блефуют? Вист, что ли? Блеф в политической печати — это значит делать вид, что все именно так и есть, хотя журналист прекрасно знает, что все либо далеко не так, либо совсем не так. Газета явно блефует, когда говорит о Б. Н. Ельцине. Ну а с Президентом она вовсе не церемонится. Крупным шрифтом: «Правее, еще правее!» Или: «Спасет ли Горбачев Хусейна?». Но ведь Хусейна Горбачев отнюдь не спасал! Иначе бы спас. Спасал он Буца, а не Хусейна и все равно не угодил нашим радикалам-демократам.

На восьмой и десятой страничках «Московских новостей» помещен двойной портрет: Президент и военный министр. Под портретом черными, непомерно крупными буквами стоит: «Чудовище». Двойная мораль журналиста, верстающего полосу, позволяет ему показать кукиш в кармане. (Формально слово «чудовище» относится к военно-промышленному комплексу, на самом деле получилась надпись к портрету. Не беда, что единственное число...). Увы, «Московские новости», называющие себя «независимой газетой», подчеркивая свою независимость, обманывают читателей. Всех, от кого независим редактор Егор Яковлев, видно по публикациям. О тех же, от кого он зависит, редактор предпочитает помалкивать, но это видно и так, без публикаций в «свободной» прессе. Видно, да не всем, и в этом все дело, в этом то и опасность нечистоплотных газет.

«Независимую газету», укравшую название у «Московских новостей», читать, пожалуй, и вовсе не стоит. Все ясно по заголовкам. Фамильярность, с которой газетчики обращаются с премьерами и президентами, поразительна. Еще более поражает нахальство, с которым создается и навязывается новая иерархия ценностей. И тут пускаются в ход так называемые опросы. Спросить бы, кто верит в объективность этих опросов? Такого опроса пока не предвидится, а если он и будет, то не спешите верить ему, поскольку цена всем этим опросным институтам частенько такая же, что и цена бульварной печати.

Еженедельник «Собеседник» отличился на поприсе молодечного развращения, но я знаю, что его побаиваются даже министры. Маршал Язов, к примеру, отчитывался перед корреспондентом «Собеседника», как провинившийся ефрейтор. Кого донимают вопросами в этот раз?

Цинизм и бесстыдство, бесстыдство и снова цинизм.

«Перестройка»

«Эта книга — о не стоящей в плане (личном, производственном, госу-

Записки на ходу

дарственном...) ЛЮБВИ. На основе журналистского опроса молодых мужчин и женщин авторы исследуют сексуальные проблемы в СССР, различные проявления сексуальности (в том числе гомосексуализм, лесбиянство, аноразмия, онанизм...) и острое социально-психологическое положение представителей сексуальных меньшинств (ФРГ и «Прогресс» СССР).

Стыдно, ужасно стыдно... Но почему нисколько не стыдно ни редактору, ни академику педнаук? Внушают ли они мысли о пользе мастурбации и «анально-генитального» совкупления дома, своим детям и внукам? Желает ли корреспондентка «Комсомольской правды» или какой-либо другой правды, чтобы ее будущая или уже родившаяся дочь, даже не достигнув шестнадцати лет, пошла на панель?

Вот что самое любопытное во всей этой скорее гнусной, чем грустной истории о сексуальной культуре. А ведь в «Обзоре» я коснулся одной лишь печати. Ни о телевидении, ни о кино, ни о видеосраме не было пока и речи...

«Все пропьём»

Еще полвека тому назад вокруг наших деревень с трех сторон шумели от ветра сосновые боры, перемежаемые еловыми гривами. Лесные сенокосные полянки с дынными низенькими избушками вкрапливались в это многоверстное хвойно-зеленое царство. Рыжики, грузди, краjiжика, малина, черника, смородина, морошка, брусника, дичь боровая, то бишь рябки и тетеры, пушное и мясное зверье, речки и ручьи с рыбой, смола и хвоя, корье для выделки кож, дрова и целебные травы, не говоря уж об основном материале для строительства — все это было в изобилии, всего этого хватало трем тысячам взрослых населения, которое жило на землях нынешнего колхоза «Родина».

Во время моего детства зимой у гумна, в двухстах метрах от дома, еще прыгали по ночам зайцы двух пород: крупные русаки и поменьше — беляки. (Сам своими глазами их видел). Их ловили клепками. Лисы ходили по заячьим следам, не одна и

не две. Стаи куропаток шумно вылетали из гумна. Ныlnче, после полувлека Советской власти, когда на той же территории живет всего несколько десятков крестьянских семей, лес вокруг тоже вырублен. Как говорит мой сосед, все выхлестано. Ни людей, ни деревьев. Лесные речки высохли. Куда все подевалось? Ни рыбы, ни зайца. Все, в том числе и люди, исчезло вместе с лесами.

Миллионы, нет, миллиарды деревьев спилены и отправлены за границу, потоплены в сплавных реках, сгнили брошенными либо заживо спилены. А сколько их извергли в Северный Ледовитый океан великие реки Двина и Печора? Прорвет запань у пьяного начальника — и пол скандинавского государства на полгода обеспечено пиловочником за счет одного плавника. А сколько вывезено за границу через Архангельский и Мурманский порты? Даже подумать страшно. Еще при Ленине тысячи крепких мужиков бросили плуги и бороны, перестали пахать и взялись за пилы и топоры. Не по своей воле взялись. Позднее пленум крайкома требовал переименовать город Архангельск в Сталинопорт. Северная Русь (только ли Северная?) превратилась в колонию. Да, именно в колонию, но в чью? История все равно разберется, чьей колонией была и чьей стала земля, которую мечом защищал еще Александр Невский.

Прошли годы. Вот дожили мы, грешные, до перестройки. Но чему научились, что поняли за шесть перестроечных лет?

...Машина с грузинскими номерами шпарит за моей деревней прямоком на лесосухолок. Чего везут? А морозные яблоки. Обрати этот автомобиль, груженный уже круглым лесом, едет намного тише. Отборные бревна плывут мимо моей бани прямоком на Кавказ, в солнечную и братскую Грузию. Эх, зачем я хлопотал в обласполкоме, чтобы построили эту дорогу! Лучше бы ее не было, этой дороги!

На главной колхозной усадьбе, в центре, у брошенного коровника, видны многолетние, грандиозные завалы горбыля, реек, досок, планок. Это отходы. Бригада дюжих парней (опять же из солнечной Грузии) много лет

пилит из родимых моих сосен и елок штакетник, какие-то планочки, вяжет в пучки и отправляет в неизвестность. Говорят, что шестьдесят процентов дохода поступает в колхозную кассу.

А машина, но уже другая, с вологодскими номерами, опять шпарит мимо моей бани. Что нынче везут, проголодавшимся лесорубам? Пустая... Зато обратно опять с бревнами. Кооператоры, настырные и тоже безжалостные, везут и везут бревна из моего давно ограбленного зеленого царства. Деревья не успевают расти.

А куда птицы исчезли? Я помню, какой стоял гам, какой вселенский концерт звучал в летнем нашем лесу, когда идешь, по лесной тропе. Особенно весной или в начале лета. Теперь — тишина. Редко-редко попищит где-то синичка или побарабанит дятел, по весне печально где-нибудь прокукует несколько раз кукушка. И все. Пустыня, безмолвие.

— Все пропьём, гармони оставим, — весело говорит мужик, вылезая из кабины. (Это уже в Вологде). Железные ворота ликеро-водочного разверзают свою пасть, мужик бежит в канцеляцию, а машина с торжествующим рычанием въезжает в заводское нутро. Я вижу: она осеняется поперечным плакатом, как знаменем. На полотнище слова: «Ударная работа — гарантия перестройки!»

Другая машина, с архангельским номером, стоит поблизости. С прищепом. Доверху нагружена свеженапиленной необрезанной сороковкой.

— Почему из Архангельска? Облпотребсоюз, что ли? — спрашиваю шофера.

— Ну! Меняю товар на товар.

В конце дня та же машина стоит носом уже в противоположную сторону. И прищеп, и кузов доверху нагружают ящиками с водкой, прикрыв их брезентом.

— Это нам ненадолго, — миролюбиво говорит архангельский грузчик. — Два дня и ночи.

Через Вологду на юг идут и идут машины с лесом, с брусом, с необрезанной доской... Но больше с круглым свежесрубленным лесом. Колхозы меняют лес на комбикорма и на яблоки.

Вот и вся рыночная экономика.

А лес через Вологду везут да везут...

Живое и мертвое

Зимой, когда кроны окидывал иней, они были похожи на три серебристо-белых облака, взметнувшихся и зависших над заборами и строениями. В такие дни даже вороны и галки боялись разрушать тишину, рожденную морозным загадочным сном этих деревьев. Три тополя спали безмолвно и величаво, ждали они своего весеннего часа. Не просыпались они даже тогда, когда мороз убывал и ветер, дальний родственник тепла, с маху сдувал серебристую бахрому инея, пытаясь раскатать остающиеся на холоде ветви.

Вот уходит зима. Мартовский холод еще господствует в тополях, но сквозь оголенные кроны уже синее золотая бездонная голубизна. Уже запахло и талой водой, а деревья все еще спят, по-младенчески доверяясь золотому, хотя и недолгому солнечному сиянию, синему небу, родимой Вологде, взрастившей их такими большими. Да, они все еще спят, они безмолвны, но они живы! В апреле кора деревьев наливается древесной кровью, зеленеет, еле заметный, проступает сквозь тополеву плоть. Не так ли проступает румянец на детских щеках во время глубокого сна? Наконец, сразу в одну ночь свершается пробуждение. Преодолев холодную косность, природа и в городе, и за городом враз отрешается от зимнего

сна. Весенние неукротимые силы охватывают всю мощную плоть — всю до последнего мельчайшего корешка, до самой крохотной веточки. Миллионы коричневых почек затемнили кроны трех заводских тополей. Почки набухают и лопаются, чешуя падает на асфальт, прилипая к ногам прохожих. И ни с чем не сравнимый, резкий, бодрящий запах — запах жизни снова витает над корпусами заводов. Зреет, нарождается из ничего зеленая плоть только что явленных тополевых листочков, быстро (почти на глазах) раскрываются почки. Растут, растут эти крохотные листочки!

Через день они уже не листочки, а листья: свежие, клейкие, ничем не окисленные, не покрытые летней пылью, не закопченные гарью заводских труб. Они так нежны, так первозданно чисты, что вызывают улыбку на самых безжизненных человеческих лицах, прибавляют сил в самых усталых ногах.

Такова бесконечная мощь обновленной и вечной жизни. Три кроны, сливаясь в одну большую зеленую тучу, еще не сумев пошуметь на майском ветру, ждуг облегчающей первой грозы.

Так было и в ту весну, все так. Но вместо могучего — под стать деревьям — первого летнего грома три тополя услышали угрожающее, жалкое и нахальное урчание бензопилы. Какие-то люди вздумали сделать из трех тополей три статуи. Они спилили деревья на высоте трех или четырех метров. Они умертвили живую древесную плоть, расчленили ее на части, обкарнали мощные ветви и увезли.

Три пня все еще жили, не желая умирать, слезились, но вот пришли скульпторы. Желая вдохнуть в эти тополевы пни новую жизнь — жизнь искусства, — скульпторы начали рубить, кромсать, долбить, сверлить и строгать все еще живую древесную плоть.

За несколько часов они превратили тополевы пни в три нелепые фигуры: живая жизнь снилась мертвым искусством.

Три тополя поистине умерли стоя. Но могучие корни, оставшиеся в родной вологодской земле, все еще живут и вот уже несколько лет посылают свою влагу наверх, к теплу и солнцу. Но теплом солнцу некого греть, и под синим небом нечему зеленеть, нечему шуметь на вологодском ветру.

Трем мертвым идолам, изображающим двух женщин и старика, не нужны живые соки земли. Одна из фигур, задрав уродливо-птичью голову, силится глядеть в небо, то же самое пытается делать бородастый курносый старик. Но все трое мертвы...

А что может увидеть мертвый болван? Он не разглядит даже шит на крыше вологодского ликеро-водочного завода. На этом щите, сделанном в виде обобщенно-урезанной пятиконечной звезды, привинчено изображение реторты (как же, химия!) и арматура с изображением формулы: C_2H_5OH ... Так украшен фасад ликеро-водочного. Когда распаиваются для очередного виновоза ворота, прохожим открывается обширный янтаризаводской плакат: «Ударная работа — гарантия перестройки!»

Да, конечно, ударное производство бутылок надежно гарантирует нашу отсталость и миллионы новых человеческих жертв. Оно гарантирует многие тысячи распавшихся семей и многие тысячи трагедий. Вот что такое это краткое C_2H_5OH .

Мертвые символы, мертвые знаки! Мертвы и фигуры на месте трех тополей. Но год — под осень, и из головы и глаз курносого старика вырастают живые грибы... Растут грибы и из глаз женской фигуры. Вырастает каждый год какая-то поганка на месте пупа...

Вот так же, точь-в-точь, обезображено и все живое дерево народной жизни.

Полностью заметки писателя В. И. Белова будут опубликованы в журнале «Москва».